

На страже родного неба

**Примите наши поздравленья,
Защитники родной страны!
Вы все достойны восхищенья
Мужчины, парни, пацаны!**

**И каждый, верим, если надо,
Свой долг исполнит до конца,
Преодолеет все преграды
И защитит от подлеца!**

Дорогие друзья-соратники!
Правление Нижегородской региональной организации Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане и военной травмы поздравляет всех членов организации и ее сторонников с Днем Защитника Отечества!
За прошедшие годы много сделано добрых дел в интересах инвалидов и ветеранов боевых действий. Наша первейшая задача – защита прав и интересов этой категории граждан, членов их семей и семей погибших военнослужащих, оказание им моральной и материальной поддержки, а также содействие в медицинской реабилитации и социальной адаптации.

От всей души поздравляю вас с праздником! Желаю здоровья, веры в себя, свои силы и возможности, оптимизма и благополучия!

С уважением

И.В.Андронов, председатель правления

● Байки от подполковника Николая Петелина БЛИЗНЕЦЫ

Интересная, я вам скажу, путаница иногда происходит при встрече с близнецами. У нас, например, в академии учились два брата-близнеца. Так у них любимое занятие было с утра народ в метро погугать. И делали они это следующим образом. При отходе поезда к закрытым дверям последнего вагона подбегал один из братьев и начинал что есть мочи долбить по стеклам уходящего состава. Скоблился в окна, корчил страшные рожи на потеху находившимся внутри пассажирам. Ну а тем, ясное дело, весело. Они-то на поезд успели. С этой спокойной мыслью граждане и скрывались во мраке туннелей метрополитена. А на следующей станции их уже поджидает второй брат. Он к своему выступлению заранее подготовился и ждет прибытия поезда. И вот состав тормозит на перроне. Люди туда-сюда шмыгнули, двери закрылись...

И тут к закрытым дверям конечно-го вагона подсакивает второй близнец. Он весь мокрый от усилий, тяжело дышит и вытирает дрожащей ладошкой пот со лба. И опять начинает ломиться в замкнутую дверь. Народ в вагоне, узнав отставшего от поезда гражданина, начинает тихо падать в обморок. Это же надо, парень электропоезд догнал. Чего в мире творится. А у нас Олимпийский комитет не знает, кого на Олимпиаду отправить. А тут такие кадры под землей с бешеной скоростью носятся. Не приведи, Господи, ногу сломит...

Но это я так, отвлекся, я не об этом хотел рассказать. Дело в том, что такие казусы зачастую происходят не только с людьми, но и с животными. Я уж не говорю о такой экзотической твари, как крокодил. На мой взгляд, они вообще все на одну морду. Но вот тут к моей теще чернышки котенок прибежал. Подбежал к ногам и не отстает. Так и пришлось брать к себе домой. Назвали Яшкой. Ну, котенок быстро вырос в большого наглого котушку, и, как говорится, были мы с ним оба сироты. Я без отца, без матери, а он без стыда, без совести. Не знаю, как едят другие коты, но, на мой взгляд, этот жрал не меньше матерого хряка. Так ему и этого было мало. Он, подлец, приспособился еще в гости к соседям ходить. На верхнем этаже у одной квартиросъемщицы проживало сразу пять кошек. И одна из них по размеру и по окрасу весьма была с Яшкой схожа. Знаете, ну прямо как сейчас на улице. Идешь, видишь, топает патлатая девушка в сергах. А потом оказывается, что это какой-нибудь паренек так обманчиво выглядит...

Но это я так, отвлекся. Простите, не выдержал...

Так этот проходимец дождется, когда бабка в магазин пойдет и шашку к ней в квартиру. Сожрет все кошачьи запасы, дождется возвращения бабки и по-английски, то есть не попрощавшись, отваливал. А женщина видит плохо, ничего не замечает и только сокрушается, мол, на такую пенсию, которую платит наша любимая демократичная страна, даже кошек

не прокормить. А не то что человека, который, между прочим, сорок пять лет на это государство вкалывал за трудовни, готовя базис для светлого будущего, которое, впрочем, так и не наступило...

Но это я так, отвлекся. Извините, вырвалось...

Но однажды Яшка так наелся, что с кухни даже уйти не смог. Бабка принесла из магазина корму. Насыпала в миску и видит, ах, батюшки-светы, одной кошечке мисочки не хватает. И в глазах что-то двоится от давления. У нее только одна черная кошечка была, а тут две... Долго бабушка причитала, но потом догадалась, Яшку изловила и из квартиры выгнала. Но этот пройдоха потом еще не раз к ней похачевать прорывался. Она только дверь откроет, а он уже пулей в квартиру летит. Разве старая бабушка его поймает. Короче, замучил Яшка соседку. Теща решила кота приучить. Заперла его у себя в комнате под домашний арест. Звериным языком выражаясь, на кильку и молоко. Так он бедный неделю мучился, пока к ним в гости соседка с верхнего этажа не спустилась. Пришла. В дверь позвонила. И как только теща в коридор вышла, как начала орать на весь подъезд.

– Сделай со своим разбойником хоть что-нибудь. Эта скотина опять все у моих кошечек сожрала, да мало того, даже из квартиры уходит не хочет. Я уж ему и дверь открывала, и шавброй пыталась на улицу выгнать, а он, гад, под кровать забился, да рычит на меня, словно лев в клетке.

● Линии судьбы

Стоял теплый июльский день. Обычно в эти дни многие павловчане отдыхают за Окой, в Дубках. Там тихо, дышится легко. Вот и я устремился туда же. Погуляв с часик, стал возвращаться домой. Проходя мимо старого дуба, я поздравился со знакомым, через сидел под кронами дерева на одеяле в компании пожилого седовласого человека.

– Присаживайся, Михаил Сергеевич! – обратился ко мне мой знакомый. – Это мой отец, – представил он второго.

Сначала разговор шел на общие темы. Но потом как-то незаметно «вырулил» на историю жизни седовласого мужчины, которая поразила меня своей неординарностью.

Не все в ней может быть воспринято однозначно, и мой новый знакомый в ответ на просьбу опубликовать его рассказ в газете сначала было засомневался: не навредит ли это сыну?

– А почему не рассказать? – решил его сомнения сын. – Сейчас другое время.

Но имена и фамилии героев этого рассказа я все-таки изменил.

Повестку Николай Романов получил на третий день войны. Почтальон тетя Паша принесла ее к обеду, когда дома была одна мать. Та заплакала и, бросив все дела, побежала с известием в колхозную контору. Николай в этот день был в лугах на сенокосе, а повестка требовала прибыть в Павловский райвоенкомат к шести вечера. Призыв коснулся не только его: такую же повестку получили еще в десяти избах деревни.

Николай Романов лишь год как пришел с действительной службы. За год мирной жизни в деревне успел жениться – свадьбу сыграли в январе 41-го. В жены взял девушку из соседнего села. Звали ее Машей. Красивая была, видная, с черными блестящими глазами. Николай в ней души не чаял, а когда узнал, что она ждет ребенка, от счастья буквально млеет.

И вот – война. Она все перевернула вверх дном...

Попал Николай в одну из пехотных дивизий, которая формировалась в Горьком. На подготовку новобранцев ушла неделя. В полку, куда был зачислен Николай, народ подобрался в основном бывалый, прошедший военную службу. Были и такие, кто уже понохал порошу в войне с Финляндией.

Уже на седьмой день пребывания в Горьком дивизию погрузили в вагоны и отправили на запад, под Смоленск. Здесь шли тяжелые бои с немецко-фашистскими войсками. Выгрузившись из эшелона, пехотный батальон Николая за ночь прошел пятнадцать километров и уже утром принял бой чуть севернее Смоленска.

Немцы шли в наступление. На некоторых участках фронта бои принимали такой ожесточенный характер, что воюющие стороны теряли счет боевым дням. Особенно отчаянно сражалась 16-я армия под командованием генерала Лукина. В ней-то и воевал пехотинец Николай Романов. Бои шли днем и ночью. Все кругом пылало и гремело. Это был настоящий ад. Солдаты стояли насмерть. Враг нес потери, но все же медленно продвигался вперед.

Вскоре 16-я армия попала в окружение, начались затяжные бои в тылу. 12 июля Смоленск пал.

В этих боях батальон, в котором воевал Николай Романов, понес большие потери: от него остался лишь небольшой отряд. Блуждая по лесам, он двигался на восток, стремясь вырваться из окружения. Иногда нарывались на вражеские засады, и тогда приходилось вступать в бой. После одного такого сражения закончились боеприпасы, а о том, что солдаты уже несколько дней ничего не ели, и говорить было нечего. Измотанные боями, голодные, они еле-еле шли по лесным тропам.

В один из таких дней, ближе к вечеру, они добрались до лесной сторожки. Кроме женщины, в доме никого не было, и отряд решил остаться здесь до утра.

– А поесть у вас что-нибудь найдется? – обратился Николай к хозяйке. – Пятый день голодаем.

Та молча вышла в коридор и затем принесла большой каравай черного хлеба и горшок холодного молока.

– Вот все, чем богата, – сказала женщина.

Изнуренные и голодные солдаты ели тихо, не спеша. Потом начали укладываться на отдых. На ночь лейтенант, командующий отрядом, выделил охрану, в которую вошел и Николай.

Всего два часа прошло, как бойцы улеглись, когда вдалеке Николай услышал рокот мотоцикла, едущего, видимо, по лесной дороге. А еще через несколько минут на поляну со стороны дороги выкатились два мотоцикла с колясками, в каждом – по двое немцев: один за рулем, второй в коляске за пулеметом. Тихо вбжав в комнату, Николай сообщил лейтенанту об их появлении.

Спешившись с мотоциклов, немцы сначала что-то обсуждали, время от времени поглядывая на сторожку, затем двое из них, взяв в руки автоматы, двинулись к дому. Что делать? Что предпринять? Стрелять нечем – боеприпас давно израсходован. Схватиться врукопашную? Только так можно постоять за себя.

После того боя, оставшегося

за советскими бойцами, с ночлега пришлось срочно сниматься: вот-вот должна была появиться основная колонна немцев.

Через полчаса быстрого продвижения по лесной чаще бойцы присели отдохнуть у небольшой березовой рожицы, но не успели отдышаться, как услышали далекий собачий лай – это по их следу шли немцы. Бежать дальше не было смысла, и отряд, на всех с двумя трофейными автоматами, решил занять здесь оборону.

За считанные минуты отряд был окружен, но, отказавшись сдаваться, принял рукопашный бой. В ход было пущено все: кулаки, приклады винтовок, ножи. Дрались отчаянно.

Из этого боя Николая вывел тупой удар по затылку. В глазах потемнело, ноги стали ватными, и все куда-то провалилось...

Неделя пошла, как Николай Романов попал в лагерь для советских военнопленных под Смоленском. Это было большое поле, некогда засеянное овсом, обнесенное колючей проволокой и охраняемое немецкими автоматчиками. Здесь содержалось несколько тысяч солдат и офицеров нашей армии, в основном зачищенных Смоленск. Держали их под открытым небом, спали на земле, прижавшись друг к другу. На них лил дождь, жарило солнце, нещадно жрали комары. Пленных не кормили, на работу не гоняли, и самое главное, что беспокоило всех, – это неопределенность. Что их ожидало в будущем?

Тяжко было на душе Николая. Он никак не мог смириться с положением пленного – для него это было унижением. Теплилась надежда, что все это временно, наши войска предпримут наступление и вызволят их из неволи. В часы долгих раздумий он вспоминал родной дом, жену Марию, мать, отца и всех родных. Как они там живут? Как чувствует себя Мария?

На седьмой день его с большой партией военнопленных погнали в другой лагерь – под Минск, а еще через пару суток – в район Бреста. За это время Николай изрядно по-

Тоска

обносился, похудел. Силы иссякали. Но в этих тяжелых условиях наши солдаты все же находили в себе силы поддерживать друг друга, не давали власть в отчаяние.

Николай держался, как мог, верил, что вырвется отсюда. Но для тысяч наших пленников будущее было непредсказуемым. Большинство советских солдат, попавших в первые месяцы войны в плен, находились в шоке. Поражение наших войск в Белоруссии никак не увязывалось с той пропагандой, которая велась до войны. Не складывалось это со словами о непобедимости Советской армии, с уверениями в том, что в случае возникновения боевых действий война будет вестись на территории противника. Со своей стороны, немецкая пропаганда делала все, чтобы вселить в сердца советских военнопленных пораженческие настроения. Это сказывалось на волевых качествах узников, некоторые стали верить в фашистскую пропаганду. Но в большинстве своем наши солдаты оставались верны своей Родине.

В конце октября 41-го года Николая Романова с большой партией пленников перебросили в Польшу, где в одном из лагерей он и пережил суровую зиму. А весной 42-го он уже находился в лагере для советских военнопленных недалеко от Саарбрюккена, рядом с германо-французской границей. Здесь Николай и осел на долгие годы своего плена, мучительно ожидая того часа, когда этому наступит конец и он вернется домой, вновь став полноправным гражданином Страны Советов... Наступал последний год Великой Отечественной войны.

...А как жила все эти годы семья Николая Романова?

В декабре 1941 года Мария родила сына, назвала его Василием. От мужа она получила лишь одно письмо из Горького перед отправкой на фронт. А потом – тишина. Пережила, но тревога за мужа заглушила домашние дела – наступила осень, и нужно было успеть убрать свой урожай, помочь колхозу. В особенно тяжелые минуты женщина находила силы у детской кроватки, в которой безмятежным сном спал ее сынишка.

На второй год войны Мария пошла работать на ферму, сначала

телятницей, потом дояркой. От Николая весточек так не было. И лишь осенью 1943 года из райвоенкомата пришло извещение, что Н.В.Романов пропал без вести.

Это известие тяжелым эхом отозвалось в сердцах всех родных и знакомых Николая. Мать слегла и долго болела, Мария целыми днями оплакивала потерю мужа. Конечно, с течением времени боль ослабла, но до конца не прошла – спряталась в уголке души.

С большой радостью в деревне встретили Победу. Осенью стали возвращаться в деревню фронтовики. Их встречали торжественно. Но более пятидесяти сельчан, в том числе и Николай Романов, домой не вернулись.

Время шло незаметно. Подрастал сын Василий. Он с отличием окончил местную школу, затем поступил в Павловский промышленный техникум. После его окончания стал работать на одном из павловских военных заводов, отслужил в армии. Появилась семья, дети. Жизнь приняла устойчивый характер.

К концу 70-х здоровье Марии сильно пошатнулось, и сын забрал ее из деревни к себе в город. Умерла Мария после тяжелой болезни в конце 80-х годов. Умерла тихо, спокойно, наказав сыну помнить отца, чтить его светлую память.

Но вернемся к военным годам. Шел апрель 1945 года. Советская армия готовилась к штурму Берлина.

Окончания войны с большим нетерпением ждали все, но особенно советские военнопленные, находившиеся в гитлеровских лагерях. Ждал ее и Николай Романов, четвертый год томившийся в лагере под Саарбрюккеном. Пленные жили дружно, держались друг за друга, следили за событиями на советско-германском фронте. Именно оттуда они ждали своего освобождения. Но события лета 1944 года несколько изменили обстановку Второй мировой войны. 6 июня началась высадка союзных войск на севере Франции, и именно американские войска в январе 45-го освободили лагерь военнопленных, в котором находился Николай Романов.

Николай попал в лагерь для перемещенных лиц, находившийся на